

ТЕОРИИ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы мироустройства

Сергей Пилецкий

О ПРОГРЕССЕ И ПРОГРЕССАХ

Аннотация. Обсуждается одна из наиболее актуальных для философии проблем – проблема прогресса и его критериев. В свете последних событий, сотрясающих человечество, данная проблематика приобретает не только особую значимость, но и особенный общественный «камертон» звучания. При этом, как известно, в истории мировой философии и на современном этапе ее развития существовали и существуют концепции, как признающие прогресс в обществе и указывающие его критерии, так и полностью отрицающие социальный прогресс. Их критический анализ представляет собой весьма нетривиальную задачу, тем более если он сопряжен с выработкой своей собственной позиции. В завершении статьи автор для большей ясности по указанной проблематике приводит цитаты четырех известных персон – Йохана Хейзинга, Анри Сен-Симона, Станислава Леца и Александра Ивановича Герцена – и дает им свой комментарий.

Ключевые слова: социум; прогресс; регресс; диалектика; базис; надстройка; революции; реформы; нравственный уровень.

Abstract. The paper raises one of the most actual philosophical problems – the problem of progress and its criteria. In the light of recent events that are shaking humanity, this issue acquires not only special significance, but also a special public «tuning fork» of sound. At the same time, as you know, there were conceptions in the history of world philosophy and in the current stage of philosophical development that recognizing social progress and indicating its criteria but also completely denying the social progress. A critical analysis of these theories is a very non-trivial task, especially if it involves developing one's own position. At the end

of the paper the author quotes four famous persons for greater clarity on this issue – Johan Huisinga, Henri Saint-Simon, Stanislav Lez and Alexander Ivanovich Herzen – and gives them his comment.

Keywords: society; progress; regression; dialectics; basis; superstructure; revolutions; reforms; moral level.

Приглашение
к размышлению

Есть замечательные слова у Андрея Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек» [1, с. 26]. Именно так – в самую точку. Истинно сущим может быть только одно измерение какого бы то ни было прогресса – человеческое и сугубо человеческое. Никакое не технологическое, не социально-экономическое, не социально-политическое и тем более не финансовое, а чисто человеческое. А из человеческого, безусловно, по масштабу – индивидуально-человеческое и общественно-человеческое. Из индивидуально-человеческого, вне всякого сомнения, никакое не профессиональное (в смысле карьеры), не физиологическое (в смысле индивидуального здоровья и продолжительности жизни), а исключительно нравственное. И хотя вроде бы известно, что в здоровом теле здоровый дух, но у самого Децима Юния Ювенала в оригинале несколько по-другому: «Надо молить, чтобы ум был здоровый в теле здоровом» [2, с. 72]. Согласитесь, совсем не одно и то же: утверждать нечто и просить богов об этом, или что то же самое – выдавать желаемое за действительное.

Обсуждение понятия
прогресс

А теперь самое время отправиться, так сказать, в академическую плоскость и на прогресс, его критерии и разного рода его аспекты взглянуть исключительно в обществоведческом ключе. Что мы там узнаем? А мы там узнаем, что прогресс – это направление развития сложных систем (в том числе социальных), для которого характерен переход от низших, менее совершенных форм, к высшим, более совершенным. Казалось бы, прогресс в истории человечества очевиден. Однако с научно-обществоведческой точки зрения это утверждение спорно. К настоящему времени наличествуют концепции, которые либо напрочь отрицают прогресс как таковой, либо сопровождают его признаки такой чередой оговорок, что прогресс как понятие лишается всякого объективного содержания. Понятие прогресса обретает сугубую релятивность, зависящую избирательно и порционно от того, какую ценностную систему тот или иной субъект облюбовал для понимания хода истории. Сдается, что главный изъян создателей данных концепций – абсолютизация какой-то детерминанты (или как вариант – сразу нескольких) социального прогресса (к примеру, или развитие техники, или развитие науки, или развитие культурных достижений).

Актуальность исследования проблемы социально-эмоциональных дефицитов личности на современном этапе

При этом надо помнить, что системный подход в социально-гуманитарном знании в качестве ориентира главного критерия прогресса предлагает видеть рост уровня организации системы, что предполагает такую дифференциацию и интеграцию элементов с их взаимосвязями, которая увеличивает сложность и целостность системы, степень ее адаптационных возможностей, функциональной эффективности, обеспечивая высокий потенциал последующей динамики.

Прогресс – регресс

Следовательно, исходя из вышеуказанного, прогрессом может быть назван такой процесс изменения систем, который сопряжен с:

- ростом числа их подсистем;
- усложнением структур систем;
- увеличением числа взаимосвязей между элементами систем;
- возрастанием набора функционала их отдельных элементов и подсистем.

И, соответственно, регрессом полагается такая направленность в развитии сложных систем, для которой специфичен переход от их сложной организации к более простой и менее совершенной.

Как результат, регрессивное развитие сопряжено с:

- уменьшением набора полезного для систем функционала;
- распадом существовавших ранее структур;
- уменьшением числа подсистем, элементов с их взаимосвязями, обеспечивающими стабильность существования данных систем.

Системный подход и многонаправленность развития общества

Системный подход в социальном познании напоминает нам также и о следующем. Анализ истории человечества доказывает, что для развития социума характерна многонаправленность. Динамика развития сопряжена с прогрессивными, регрессивными, одноплоскостными и круговыми изменениями. Умение выделить главные тенденции в развитии социальных систем предстает как весьма непростая задача, поскольку усложнению каких-то структурных образований систем и совершенствованию функционала их элементов могут сопутствовать обратные процессы в других структурных образованиях тех же систем, что, собственно говоря, является выражением диалектической связи регресса и прогресса, традиционно представляемой в категориях «единства и борьбы противоположностей».

Еще о некоторых базовых критериях социального прогресса

Выделяют некоторые базовые критерии социального прогресса:

- социальный;
- экономический;
- духовный;
- научно-технический.

Под социальным критерием понимают отражение уровня развития общества в целом. В роли его индикаторов принимается уровень политических свобод, уровень качества жизни, уровень бедности и богатства граждан. Кстати, в этой связи уместно вспомнить об уровне представленности среднего класса как важнейшего показателя: чем выше процент, тем более развитым полагается общество.

Что касается экономического критерия, то многими учеными он считается ключевым, поскольку видится, что именно он может оказывать существенное влияние на все остальные области общественной жизни. В качестве его основных индикаторов выступают: уровень валового внутреннего продукта (его падение или рост в пересчете на душу населения), уровень заработной платы по группам населения, уровень развития банковско-кредитной сферы.

Если говорить о духовном прогрессе, то в качестве его показателей обычно оценивается степень влияния морали в социуме, а также нравственное развитие большей части граждан в обществе. Тут, правда, мы можем войти в зону определенных противоречий, ибо признание тех или иных изменений регрессом или прогрессом будет напрямую зависеть от того, в рамках какой культуры мы будем проводить их оценку.

Относительно же научно-технического критерия надлежит заметить следующее. Большинство не только обывателей, но и считающих себя экспертами социальный прогресс ассоциируют именно с ним – развитие науки и технологий и, как результат, появление все новых продуктов, повышающих комфорт граждан. Однако понятно, что данный подход не может раскрыть всю полноту социального прогресса.

Реформы и революции как два способа реализации прогрессивного развития

Существуют два способа, по которым может реализовываться прогрессивное развитие общества. Реализацией преобразования непременно предполагается ввод того или иного изменения или корректировки. Разницу между этими способами определяет интенсивность в применении реализуемых новаций. Это, как вы понимаете, о тех самых реформах и революциях.

Реформы являются медленными, последовательными, поступательными преобразованиями в отдельно взятых областях общественной жизни. Чаще всего речь идет о не более чем одной-двух сферах (в большинстве случаев – всего одной). При этом реформа не предполагает смену политической власти (или политического режима) в процессе проведения социальных преобразований. Реформы могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер. Разница

Революция как способ социальных новаций

в оценке зависит от тех последствий, что произошли в общественной жизни как результат тех или иных реформ.

Революция является таким способом осуществления социальных новаций, когда предполагается применение насильственных приемов в процессе внедрения преобразований. Революции, в отличие от реформаторского пути, как раз и предполагают смену политической власти (или политического режима). При этом революционный процесс затрагивает почти все (или даже все) области общественной жизни.

Неоднозначность и противоречивость общественного прогресса

В мире современных реалий общественный прогресс сопряжен с двумя важными качествами. В понятийной форме они выражаются в виде:

1. Неоднозначности – при росте и развитии одной из сфер общественной жизни может произойти упадок другой. К примеру, развитию робототехники сопутствует потеря миллионами людей их рабочих мест, что не может не создавать социального напряжения.

2. Противоречивости – отнюдь не всегда удается предсказывать результаты тех или иных достижений. Стоит напомнить пару примеров, свидетельствующих и указывающих именно на противоречивость прогресса, подтверждающих в том числе и опасения скептиков:

- разработки в области использования ядерной энергии повлекли за собой появление оружия массового поражения;
- с появлением ГМО увеличился объем производимых продуктов питания, но сократилась их пищевая ценность.

Оказывается, отнюдь не всегда прогресс – это хорошо, а регресс – это плохо

Многие склоняются к даче однозначной оценки поступательного и обратного ему развития: мол, когда прогресс – это хорошо, а когда регресс – это плохо. В качестве идеала это, вероятно, так и есть, но суровая правда жизни вынуждает вносить в такого рода оценки свою корректуру. Сие может быть наглядно показано примером развития в животном мире. Земноводными и пресмыкающимися был проделан немалый эволюционный путь в сравнении со своими примитивными предками: были обретены конечности, развились органы чувств (зрение в том числе), усложнилась морфология внутренних систем. Впоследствии, однако, организмам с уже сформированными, усложненными системами пришлось столкнуться с проблемами выживания: более развитое тело требовало большее количество пищевых и энергетических ресурсов, к тому же более развитому организму гораздо чаще приходится страдать от разного рода «сбивок»: заболеваний, генетических отклонений и пр. Потому рептилии и земноводные в определенной своей части подверглись вторичной деградации: змеям и некоторым земноводным

пришлось утратить конечности, отдельным видам пришлось практически полностью лишиться слуха и зрения и так далее. Именно структурное упрощение организма дало возможность упомянутым видам продолжить свое существование, в то время как их более развитым сородичам такого шанса не предоставилось.

Упрощение структуры может давать возможность продолжить существование

Нечто схожее наблюдается и в процессе развития человеческого социума. В сравнении с либеральной демократией тоталитарные или авторитарные диктатуры, безусловно, являются значительно менее совершенными структурами, ибо не позволяют в должной мере проявления инициативы и не способствуют развитию возможностей людей. Но при экономическом кризисе, в условиях стихийного бедствия или военных действий в преимущественном положении оказываются те социальные организации, которые в кратчайший срок способны перейти на достаточно жесткое регулирование условий своего существования, как то: централизованное снабжение населения самым необходимым (в первую очередь питьевой водой и продуктами питания), введение комендантского часа, цензуры и пр. Многократно спасительными оказывались и другие из известных жестких мер: общества выживали за счет самого активного государственного вмешательства в экономическую жизнь, высокого налогообложения, экономного и уравнительного расходования ресурсной базы, временного отказа от ряда отраслей со сложным производственным циклом и перехода к более дешевым и простым.

Вкратце об идее прогресса в генезисе философии

Уместно вспомнить о развитии идеи прогресса в генезисе философии. Представления о прогрессе зародились еще в античные времена и тут же стали предметом ожесточенных мировоззренческих баталий между приверженцами разных социальных концепций и взглядов. Идея прогресса как такового и развития вообще смогла получить свое достойное признание только в рамках диалектико-философских учений, в то время как в метафизических она рассматривается как фантомно-иллюзорное понятие по причине вечности и константности субстанциональной природы первооснов мироздания. Однако умение человека знания производить, их накапливать и передавать через поколения (что, кстати, было отмечено еще древними греками) концептуально реализовалось уже в Новое время в форме обоснования нового научного метода, что само собою предполагало развитие и рост знания, а значит, и способность рода человеческого управлять природой и самим собой. В эпоху Просвещения были сформулированы идеалы социального прогресса, что тесным образом связаны с прогрессом научно-техниче-

Критика идеи
прогресса

ского знания и верой в способность науки эффективно решать общественные проблемы человечества.

При этом на рубеже XIX–XX столетий идея прогресса подверглась критическому осмыслению, поскольку практика внедрения стандартов научной рациональности и ее новаций дала массу противоречивых результатов – отнюдь не только улучшила жизненный комфорт индивидуума и общества в целом, но и индуцировала появление новых социальных проблем и процессов, в том числе и невиданных доселе способов ведения войны и массового террора. Прогресс уже во многом перестали воспринимать как нечто линейное и безусловное в генезисе человеческого общества, а лишь как одну из возможных альтернатив социального развития. Стало очевидным, что идея развития в смысле череды необратимых изменений социальных структур вполне может закончиться как прогрессом, так и регрессом общества, что обрело свое наиболее яркое отражение в разработке цивилизационного подхода Арнольдом Тойнби и Освальдом Шпенглером.

Естественный подход
в понимании
социального прогресса

Теперь относительно подходов понимания социального прогресса. Теории об общественном развитии и прогрессе обычно обобщают в рамках трех концептуальных подходов: естественного, стадийного и эволюционного. Концепция естественного подхода исходит из предпосылки, что способностью к развитию и прогрессу обладает от рождения как отдельный индивид, так и человеческое общество в целом, то есть данная способность и для социума является врожденной и предстает естественным следствием его существования. Основа прогресса предопределена рациональным характером человеческого сознания, его способностью накапливать и переосмысливать знания.

Стадийный
и эволюционный
подходы в понимании
социального прогресса

Что касается стадийного подхода, то его идейной базой является не что иное, как диалектические принципы. В соответствии с ним само устройство общества предполагает существование неких противоречивых процессов, единство и борьба коих ведет стадийно к обострению их конфронтации, но в последующем и к их разрешению, что в итоге завершается переходом к более прогрессивной, более совершенной стадии общественного устройства. Стадийную модель, кстати, используют многие социальные теории: от гегельянской философии истории через формационную марксистскую теорию до теории постиндустриального общества. Причем, как правило, источником социального прогресса считают материально-технические показатели: масштаб развития производительных сил, уровень технологического уклада общества и т.п. И в результате выступает перестройка всего общества на принципах

ально новом базисе как итог совершенствования способа хозяйствования и роста производительности труда. Эволюционному подходу чужда стадильность как идея социального генезиса. С его позиций развитию и прогрессу социума приходится сталкиваться со все возрастающими сложностями тех общественно-исторических задач, с которыми он вынужден иметь дело. Этим, собственно, прогресс и обуславливается. Решение такого рода задач требует от общества соответствующей адаптации, создания новых институтов и дифференциации своей структуры. Понятно, что параллельным курсом процессу структурной дифференциации должен заново проходить и интеграционный процесс, связанный с налаживанием нового уровня обобщающего взаимодействия элементов общества для сохранения его стабильности и целостности.

Критика
целенаправленности
и осмысленности
в выставлении целей
прогресса

В противовес существованию стадильного подхода, задающего весьма жесткий формат механизмам общественного развития и обуславливающего прогресс в качестве целенаправленного движения, существует альтернативное мнение, согласно которому человечество в своей истории вряд ли когда-нибудь выставляло нечто схожее с осознанными целями своего прогресса. Согласно ему, человеку в его мыслях о благополучии будущего было свойственно исходить из актуальной заботы о решении проблем дня сегодняшнего, что предписывала его социобиологическая природа и что было связано в первую очередь с ростом бытового комфорта и повышением безопасности среды обитания, сохранением ее устойчивости и снижением уровня тяжких физических затрат на выживание. А это, в свою очередь, направляло, хоть и неосознанно, социальный генезис протекать по пути разрешения данного рода задач (причем именно технологическим способом) – посредством внедрения машинного труда, последовательного перераспределения занятости населения из производственной сферы в сферу услуг, создания искусственной среды обитания, которая независима от каприза природы, роста скоростей осуществления всякого процесса – от производства сельскохозяйственных продуктов до трансляции информационных материалов.

Качественно новые
проблемы, вставшие
перед человеком,
как прямое
порождение прогресса

Следствием всего этого явилось то, что современное постиндустриальное общество перед человеком поставило целый ряд качественно новых проблем, что является прямым порождением самого прогресса. Например, проблему не только психоэмоционального, но и физиологического дискомфорта, а также проблему явного несоответствия среднестатистического индивида реалиям современного мира. Человека обрекли испытывать психологические перегрузки, связанные с неконтролируемым объемом продуцируемой и используемой информации,

со все большей интенсификацией динамики общественной жизни, необходимостью прилагать сверхусилия в профессиональном отношении из-за жесткой конкурентной борьбы, избыточности потока межличудидуальных взаимодействий, при которых индивиды уже не воспринимаются в качестве субъектов, а, скорее, начинают мыслиться как объекты, инструменты, агенты по ухудшению экологии и т.п. Учитывая данную проблематику, актуальными критериями социального прогресса принимаются уже указанные: рост экономики, развитие гуманитарной сферы, уровень нравственно-духовного прогресса общества.

Употребление экономического критерия связано с фокусом внимания на производительность трудовых затрат, устранение нищеты и дефицит государственного бюджета. По данному критерию западные страны, безусловно, лидируют, однако не следует забывать, что в глобальной экономике указанный вид прогресса реализуем через жестокую эксплуатацию государств «третьего мира», пребывающих в роли сырьевой базы и источника дешевой рабочей силы. Та или иная степень гуманизации общественной жизни связана с увеличением уровня свободы граждан, уровня их безопасности, доступом к материальным ресурсам и благам, к получению образования и медицинских услуг, к достижениям духовной культуры. В таком контексте в качестве ключевого показателя выступает уровень продолжительности жизни членов общества. Но при этом уровень гуманизации не может не учитывать стрессовое давление, оказываемое на граждан в профессиональной сфере, которое в современном мире только увеличивается как следствие роста эксплуатации и конкуренции. Анализ нравственно-духовного прогресса связан с выработкой критериальных показателей для оценки того или иного уровня морального состояния общества. Но в любом случае этот анализ не может игнорировать представленность моральных качеств у рядовых граждан, их способность творчески самореализовываться и самоактуализироваться в реалиях общественной жизни.

О многоаспектности и многогранности понятия прогресса

Так что нет ничего удивительного в том, что прогресс – одно из тех понятий, которое издревле привлекало пристальное внимание философов и которое многими из них было положено в основание разработки их социальных доктрин. Более того, это понятие многогранное и многоаспектное. И мы уже успели подчеркнуть, что оно имманентно включает в себя и факторы индивидуально-личностного прогресса, и факторы социального прогресса. Поскольку мы сейчас находимся в сфере общественнознания, то, безусловно, нас в первую очередь будут интересовать вопросы более масштабного порядка, то есть вопросы, касающиеся социально-экономического, политического

Й. Хёйзинга и его
«Теория игры»
о прогрессе

и общественно-нравственного прогресса. А среди них два исходных, главных и принципиальных: а вообще есть ли он – общественный прогресс и, если есть, в чем его критерии? И надо сказать, что в истории философской мысли ответы на них весьма и весьма разнились.

И в качестве содержательно базовой «затравки» предлагаю проанализировать четыре высказывания известных мыслителей как раз на этот предмет. Первой в этой череде представляю цитату, высвечивающую мысль о прогрессе, нидерландского философа, историка и теоретика культуры Йохана Хёйзинги из его произведения «В тени завтрашнего дня». Вот она: «Человек нажимает кнопку, и жизнь врывается к нему в дом. Может ли такая жизнь сделать его духовно зрелым? Совсем напротив. Весь мир стал для него игрушкой. Нет ничего удивительного в том, что он держится, как ребенок» [3, с. 265].

Особое значение в возникновении и развитии мировой культуры Йохан Хёйзинга придает игре (понимаемой предельно широко) как основе человеческого общежития. «Ното ludens» – самое известное из его сочинений. Вообще, следует заметить, будучи Ното sapiens, не очень-то удобно воспринимать и ассоциировать себя всего лишь с Ното ludens. Хотя, с другой стороны, постоянным рефреном слышится: «Что наша жизнь? Игра» – или шекспировское: «Жизнь – театр, а люди в ней актеры». Главное в этом деле – не заиграться. Это в полной мере касается и той цитаты. Когда Хёйзинга пишет, что «человек нажимает на кнопку, и жизнь врывается к нему в дом», он имеет в виду нажатие не только на кнопку радио или телевидения, но и на кнопку любого из наших бытовых приборов. И в этом с ним трудно не согласиться: действительно, человек «доигрался» до того, что перевел игру как процесс естественной коммуникации в процесс «артефактной дубликации». Он зарылся, отгородился от живой жизни баррикадами повышающих комфорт агрегатов, он стал не только эмоционально-психологически, но даже физически от них зависим. Он буквально стал их рабом. На него из радио и телеэфира льются потоки ненастоящей, сфабрикованной, «игрушечной» жизни. Он уже не только их раб, он – их «зомби». «И разве в этом прогресс?» – как бы риторически вопрошает Хёйзинга. «Конечно, нет», – убежденно отвечаем мы. Если технизация и компьютеризация жизни и означает некоторый прогресс, то прогресс с очень маленькой буквы.

«Отрицать» игру
или «запрещать»

Вот с чем я точно не могу согласиться с Йоханом Хёйзингой, рассуждая о прогрессе, так это с его следующими словами: «Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, красоту, истину, добро, дух,

Бога. Можно отрицать серьезность. Игру – нельзя» [3, с. 12]. Вот что я на это скажу: уж не знаю, можно или нельзя отрицать игру – это вопрос спорный, но что запрещать игру, отрицающую право, красоту, истину, добро, дух, Бога, не просто можно, но даже, на мой взгляд, необходимо.

Анри Сен-Симон
об истории прогресса
человеческого разума

Второе высказывание принадлежит перу Анри Сен-Симона (французскому философу и социалисту-утописту) из его «Письма женевого обитателя к современникам»: «Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям» [4, с. 392]. Надлежит подчеркнуть, что эти слова Сен-Симона хорошо вписываются в его общую доктрину, как он ее называл, «научной социологической системы». Согласно ей, развитие общества в конечном счете зависит и определяется сменой господствующих в нем философско-религиозных и научных идей. Начав с взглядов «социального физицизма», построенного на механистическом распространении ньютоновского закона всемирного тяготения на социальные феномены, Сен-Симон затем разработал концепцию «социальной физиологии», в которой рационалистические воззрения XVIII столетия сочетались с историзмом в объяснении общественных явлений. Каждая общественная система, по его мысли, постепенно и в полной мере развивает заложенные в ней идеи и господствующие формы собственности, после чего эпоха созидательная, «органическая», сменяется «критической», разрушительной эпохой, ведущей к построению более высокого общественного строя. Картина всемирной истории у Сен-Симона пронизана мыслью о прогрессе как поступательном движении человечества от низших общественных форм к высшим по стадиям религиозного, метафизического и позитивного, то есть научного, мышления.

Об идеях
А. Сен-Симона

С приведенными словами А. Сен-Симона согласиться можно в том смысле, что, действительно, «генераторами» прогрессивных идей, толкающих вперед развитие всех форм общественной жизни: искусства, философии, науки, экономики, политики, – были новаторы-одиночки. Они опережали свое время, они какими-то «фибрами» своей души улавливали зарождающиеся тенденции, в своем творчестве воплощали их, «заражая» ими все большее количество единомышленников и тем самым претворяя их в жизнь. И действительно многие из них подвергались преследованию со стороны консервативного большинства, а те, которые слишком уж опережали свое время, чьи идеи были обречены не быть востребованными, нередко, сверкнув ярко, сложили свои головы, «удоблив» еще

Станислав Лец
иронично об идее
прогресса

не подготовленную почву, но тем приближая приход новой эры прогресса.

Третье высказывание иронично по форме, но весьма глубоко по содержанию. Оно принадлежит Станиславу Лецу (польскому писателю-сатирику XX века) и почерпнуто из его книги «Непричесанные мысли», что является собой свод афоризмов. А звучит оно так: «Считать ли прогрессом, если людоед научился пользоваться ножом и вилок?» [5, с. 67] Метко, не правда ли. Мне, кстати, из его этого произведения вспоминаются еще два афоризма. Вот первый: «Чтобы добраться до источника, надо плыть против течения» [5, с. 160]. А вот и второй, более подходящий под нашу нынешнюю тему: «Услышав “Да здравствует прогресс!”, всегда спрашивай: “Прогресс чего?”» [5, с. 80]

Об идеях С. Леца

Относительно же «непричесанной» мысли С. Леца о каннибале с ножом и вилок за трапезой хочу сказать следующее: за этой литературной гиперболой сквозь иронию и юмор весьма выпукло просматривается идея о том, что не только технизация и компьютеризация жизни вовсе не обеспечивают прогресса (что мы уже подмечали), но и наличие этикета вовсе не гарантирует этику. Педантичное следование правилам внешних приличий отнюдь не означает присутствие внутри индивида моральных цензоров поведения. Это истории человечества, к сожалению, хорошо известно – примеров «пруд пруди». Так что на риторический вопрос Станислава Леца мы даем категорический ответ: конечно же, нет. Если людоеда даже причесать, на помаднить, нарядить в смокинг, научить пользоваться сотовым телефоном и ездить на автомобиле, но не объяснить, что есть себе подобных со специями и приправами, может быть, и вкусно, но не хорошо и преступно и что в приличном обществе за это карают, то это и высветит в полной мере ущербность такого рода понимания прогресса. А если его еще и экипировать как следует – в униформу цвета хаки – и вооружить автоматом Калашникова, то это снимет все последние сомнения у скептиков.

А. И. Герцен
о диалектическом
единстве прогресса
субъективного
и объективного

Четвертое, заключительное, высказывание принадлежит русскому публицисту, писателю и философу XIX века Александру Ивановичу Герцену. Тому самому Герцену, который считал диалектику Гегеля «алгеброй революции» и которого, по словам В. И. Ленина, разбудили декабристы, а он развернул революционную агитацию. Это высказывание из произведения «С того берега»: «Прогресс – неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось; это деятельная память и усовершенствование людей общественной жизнью» [6, с. 139].

За этой довольно мудреной формулировкой скрывается мысль, что общий прогресс человечества возможен лишь как диалектическое единство прогресса субъективного и прогресса объективного, то есть прогресса разума и свободного человеческого духа и прогресса в освоении окружающего мира. При этом вне развития социума нет и прогресса ни человеческого разума, ни человеческого духа. Эта идея вполне логично встраивается в общую схему А. И. Герцена, согласно которой грядущий мир – царство разума – осуществит и воплотит рациональные моменты истории: реализм в познании, преклонение перед природой, свойственное античности, а также принципы суверенности личности и свободы духа. Такого рода будущее отождествлялось Герценом с социалистическим идеалом. Другое дело, что после поражения революции 1848 года, очевидцем и участником которой был Герцен, он заметно пересмотрел свои взгляды относительно разумности истории и неодолимости прогресса человечества, в них существенно побавилось оптимизма и романтизма, но это, как говорится, уже совсем другая история.

Манифестация авторской позиции относительно прогресса человечества

Что касается моей собственной позиции относительно прогресса человечества, то мне в этом смысле очень близка концепция Гегеля, высказанная им в его философии истории. Там не просто констатируется идея прогресса человечества и указывается его критерий (степень осознания свободы), но и утверждается чрезвычайно любопытная мысль о провиденциализме истории. Согласно Гегелю, в истории никогда не происходит ничего случайного, за всем стоит Мировой Разум. В Его замысле есть перечень народов, которым суждено сыграть всемирно-историческую роль. В нужное время рождается лидер, который является «марионеткой» Мирового Разума, который ведет за собой народ и тем реализует Его волю. Исполнив свою роль, народ сходит с авансцены истории и уступает место другому народу, которому, в свою очередь, суждено исполнить Его миссию. Очень хочется верить, что придет черед и российского народа.

Добр человек от природы или зол?

В связи с этим считаю необходимым затронуть два тезиса. Первый касается возможности и действительности нравственного прогресса. Лично я убежден, что не только никакого нравственного прогресса и в помине нет, но главное: его и быть не может. Я полагаю, что во все времена испокон веку, во всякий момент современной истории и в любой временной интервал в будущем (конечно, пока человеческий род не прекратит свое существование) пропорциональное соотношение добрых и злых людей, пропорциональное соотношение добрых и злых поступков на планете, равно как и совокупное соотно-

шение добра и зла в мире, остается всегда одним и тем же, что, кстати говоря, в определенном смысле является выражением закона сохранения энергии. Количественные же показатели этой пропорции приблизительно равны соотношению 4% к 96% (или, проще говоря, 1 к 25), что, по выкладкам современной физики и космологии, соответствует распределению во Вселенной «светлой» и «темной» энергии. Следовательно, по моим прикидкам, во все времена, во все эпохи, у всех народов и этносов, вне зависимости от их цивилизационного и культурного развития, людей-носителей «темной» энергии в 25 раз больше, нежели людей-носителей «светлой» энергии. Это в некотором роде и ответ на вопрос: добр человек от природы или зол? Он в следующем: абстрактный ответ бессмыслен как в одну, так и в другую сторону; можно сказать лишь, что злых людей рождается в 25 раз больше, чем добрых. А чтобы зло бесповоротно не захлестнуло мир, чтобы мир окончательно не погряз в нем, чтобы орды злых людей не перебили добрых, и был изобретен многоуровневый, комплексный процесс культурной социализации, была сооружена мощная надстройка моральных и правовых предписаний и санкций за их несоблюдение. Вывод же из всего этого совершенно ясный и очевидный: значит, и принцип возмездия будет вечен настолько, насколько вечно будет само человечество.

П. А. Флоренский
о нравственном
прогрессе

Я вспомнил этот тезис не только потому, что пришло время самому по нему высказаться, но еще и потому, что у одного русского философа интересующего нас периода нашел в какой-то степени схожие мысли по вопросу о возможности и действительности нравственного прогресса. Схожие, конечно, не по пропорциональной представленности добра и зла, а относительно самой веры в возможность прогресса. Это Павел Александрович Флоренский, в полной мере на себе познавший зло мира, будучи замученным в большевистских застенках. Так вот он, несмотря на то что был православным священнослужителем, тоже не верил в нравственный прогресс. В своей работе «О цели и смысле прогресса» он писал: «Если говорят, что прогресс добра есть, то это – несомненно; против этого нечего спорить. Но отсюда до торжества добра еще очень далеко, и это именно потому, что прогресс добра имеет своего двойника – прогресс зла, рост пшеницы сопровождается ростом плевелов. С возрастанием добра увеличивается ненависть к нему; с развитием и усовершенствованием средств добра идет развитие и усовершенствование средств зла. Культура – это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удавить своего соседа. Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость – растет и же-

стокость; растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось бы зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идет параллельно с появлением отрицательного. Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться, и не может, по видимому, не кончиться» [7, с.200].

Л. Н. Толстой о ложных
основаниях
нравственности

Чтобы прояснить суть моей позиции по второму тезису, считаю целесообразным привести два очень удачных, доходчивых и литературно-мастерских образов, употребленных Львом Николаевичем Толстым для иллюстрации ложных оснований нравственности. В своем публицистическом произведении «Религия и нравственность» так это у него преподносится: «Утверждать, что социальный прогресс производит нравственность, все равно что утверждать, что постройка печей производит тепло. Тепло происходит от солнца; печи же производят тепло только тогда, когда в печи положены дрова, то есть работа солнца. Точно так же и нравственность происходит от религии. Социальные же формы жизни производят нравственность только тогда, когда в эти формы жизни вложены последствия религиозного воздействия на людей – нравственность. Печи могут топиться и тогда давать тепло или не топиться и оставаться холодными; точно так же и социальные формы могут включать в себя нравственность и тогда нравственно воздействовать на общество или не включать в себя нравственность и тогда оставаться без всякого воздействия на общество...

Предписания нравственности, основанные не на религиозном учении, совершенно подобны тому, что сделал бы человек, который, не зная музыки, стал бы на место капельмейстера и начал бы размахивать руками перед исполняющими привычное дело музыкантами. Музыка по инерции и по тому, чему научились музыканты от прежних капельмейстеров, продолжалась бы еще некоторое время, но очевидно, что махание палочкой не знающего музыки не только не было бы полезно, но непременно со временем спутало бы музыкантов и расстроило бы оркестр. Такая же путаница начинает происходить и в умах людей нашего времени вследствие попыток руководителей преподавать людям нравственность, основанную не на той высшей религии, которая начинает усваиваться и отчасти уже усвоена христианским человечеством» [8, с. 131].

Авторский
комментарий
относительно позиции
Л. Н. Толстого

Все я принимаю в этом пассаже у Льва Николаевича Толстого: и меткость литературных образов, и его остроумие, и иронию, кроме одного: все это описание, по моему глубокому убеждению, в полной мере относится и к самому учению «толстовства». Человек, вещающий человечеству, при этом

эмоционально жестикулируя, о непротивлении злу силою, о том, что карающий зло сам становится хуже злодея, о том, что государство, армия и полиция – это исчадие ада, а Бог – это любовь и только любовь, как раз и становится тем самым «самозванцем». Если этому «выскочке-дилетанту» дать возможность поупражняется на «дирижерском» месте недолго, то и навредить он особо не успеет, разве что немало озадачит «музыкантов» и развеселит публику. Если же позволить ему «порулить» оркестром подольше, то не только ничего даже похожего на симфонию будет не услышать, ничего даже похожего на музыку не будет, да и «оркестранты» вскоре просто разбредутся восвояси.

Закончить хотелось бы одним вроде бы простеньким, но не без глубокого смысла стихотвореньцем. Оно английское, в переводе С. Я. Маршака [9, с. 339–340]:

Не было гвоздя – подкова пропала.
 Не было подковы – лошадь захромала.
 Лошадь захромала – командир убит.
 Конница разбита – армия бежит.
 Враг вступает в город, пленных не щадя,
 Оттого, что в кузнице не было гвоздя...

1. Вознесенский А. А. Ахиллесово сердце. М., 1966.
2. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1994.
3. Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982.
4. Ювенал. Сатиры. М., 1937.
5. Толстой Л. Н. Избранные философские произведения. М., 1992.
6. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
7. Леу С. Е. Непричесанные мысли. М., 1991.
8. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М., 1955.
9. Маршак С. Я. Гвоздь и подкова // Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1957.

REFERENCES

1. Voznesenskiy A. *Ahillesovo serdce*. Moscow, 1966 (in Rus.).
2. Florenskiy P. A. *Sochineniya: v 4 tomah. T. 1*. Moscow, 1994 (in Rus.).
3. *Utopicheskiy socializm. Hrestomatiya*. Moscow, 1982 (in Rus.).
4. Yuvenal. *Satiry*. Moscow, 1937 (in Rus.).

5. Tolstoy L. N. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. Moscow, 1992 (in Rus.).
 6. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya*. Moscow, 1992 (in Rus.).
 7. Lec S. J. *Neprichyosannyye mysli*. Moscow, 1991 (in Rus.).
 8. Gercen A. I. *Sobraniye sochineniy v tridcati tomah. T. 6*. Moscow, 1955 (in Rus.).
 9. Marshak S. Ja. *Gvozd' i podkova. Sochineniya: v 4 t. T. 1*. Moscow, 1957 (in Rus.).
-

